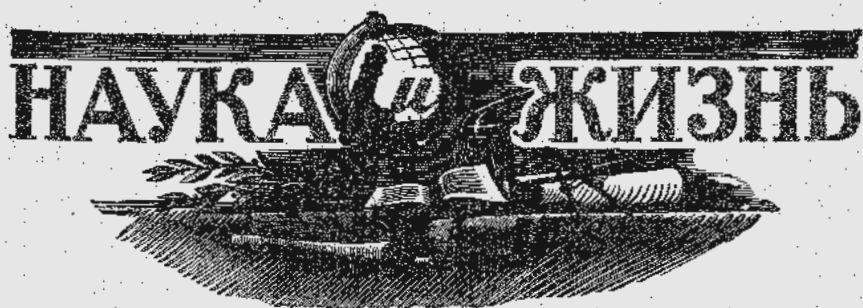

9

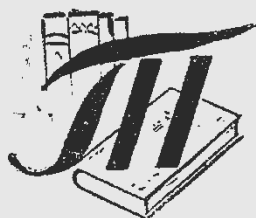
1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. П. Чехов и К. А. Тимирязев

(ИСТОРИИ их ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И СОВМЕСТНОГО ПОХОДА ЗА НАУКУ)

И. В. ФЕДОРОВ

Тимирязев — человек, которого кстати сказать, я очень уважаю и люблю», писал А. П. Чехов О. Л. Книппер-Чеховой 2 февраля 1902 г. Это признание, высказанное в последние годы жизни писателя, не было случайным.

Имя Тимирязева, хорошо знакомое Чехову со студенческих лет, осталось дорогим для него на всю жизнь.

К. А. Тимирязев совсем еще молодым ученым, за два года до поступления Чехова в Московский университет, был избран на первую в России кафедру физиологии и анатомии растений (1877 г.). Избрание Тимирязева явилось крупным фактом в истории университета: «широко образованный натуралист, вдумчивый ученый, блестящий оратор, неподражаемый популяризатор, он соединял в себе все качества для плодотворной и разнообразной деятельности на пользу русского просвещения» (акад. Д. Н. Прянишников).

Тимирязев глубоко понимал ответственность за свою научную деятельность перед народом. Он был подлинным творцом «той науки, — которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (Сталин).

Значение Тимирязева как ученого ко времени пребывания Чехова в университете вполне определилось: «его популярность, как ученого была велика, и круг влияния его был широк» (акад. Д. Н. Прянишников).

А. П. Чехов, будучи студентом-медиком, надо полагать, также не избежал влияния Тимирязева. Естествознание входило в круг тех предметов, которые, помимо медицинских дисциплин, должны были изучать студенты-медики. Чехов занимался естественными науками и в каникулярное время, производя различного рода опыты над лягушками и крысами.

Медицинское образование, полученное А. П. Чеховым в университете, оказало определенное влияние на формирование личности писателя.

«Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность», — писал Чехов Г. И. Россолимо 11 октября 1899 г., — они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как

писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также направляющее значение и, вероятно, благодаря близости к медицине мне удалось избежать многих ошибок».

Должную дань воздает Чехов и естествознанию: «Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, сообразоваться с научными данными, а где было невозможно, предпочитал не писать вовсе», — заявляет он.

Медицина и естествознание оказались, таким образом, научными дисциплинами, органически близкими умственному интересу Чехова-студента. «Приемы Дарвина. Мне ужасно нравятся эти приемы», — писал он старшему брату Александру в апреле 1883 г.

По окончании университета Чехов пополнял свои познания в области естественных наук чтением книг, немало способствовавших выработке ясных и четких взглядов, враждебных какой бы то ни было мистике, вере в сверхъестественное и т. п.

Особую роль в образовании творческого метода А. П. Чехова сыграл дарвинизм. Снова и снова возвращается писатель к изучению трудов Дарвина.

«Читаю Дарвина, — писал он в 1886 г. — Какая роскошь! Я его ужасно люблю». Путешествие Дарвина включается Чеховым в список литературы, которую он считал необходимым просмотреть для Сахалинской поездки. «Среди крупных русских писателей нельзя указать ни одного, приемы которого так приближались бы к требованию научности, как у Чехова. Поистине есть нечто от естествознания или математики в сжатой, точной, ясной простоте и покоряющей убедительности его языка и стиля, в изобразительности его приемов», — справедливо отмечает один из исследователей творчества Чехова — А. Дерман.

Чехов выступал против весьма распространенного в то время мнения о бесполезности и даже вредности науки для писателя, одаренного талантом, против «теории» о том, что наука подрывает работу фантазии и стесняет полет воображения: «Я хочу, чтобы люди не видели войны там, где ее нет. Знания всегда пребывали в мире. И анатомия, и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага — чорта, и возвать им пологительно не из-за чего. Борьбы за существование у них нет. Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому выучи-

вает еще историю религии и романс «Я помню чудное мгновенье», то становится не беднее, а богаче, — стало быть, мы имеем дело только с плюсами. Потому-то гении никогда не воевали, и в Гете рядом с поэтом уживался естественник». (Из письма к Суворину 1889 г.)

Чехов предвидел великое будущее естественных наук «Очень возможно и очень похоже на то, — писал он в 1894 г., что русские люди опять переживут увлечение естественными науками, и опять материалистическое движение будет модным. Естественные науки делают теперь чудеса, и они могут двинуться, как Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандиозностью». (Из письма к Суворину от 27 марта 1894 г.). Отсюда большой интерес Чехова к миру ученых, к людям науки, как Мечников, Тимирязев, к «людям подвига», как Пржевальский.

В Тимирязеве Чехов ценил не только известного ученого и авторитетнейшего учителя — «главаря ботаников», как называл его Антон Павлович, но и блестящего популяризатора науки.

Популяризации науки Тимирязев придавал огромное значение, видя в этом деле «средство более широкого развития личности» самого ученого, средство «оградить себя от неизбежного суживания своего умственного кругозора», противостояние против крайней специализации, против «предвзятости и стереотипности мысли». Делу популяризации науки К. А. Тимирязев придавал также широкое общественное значение и видел в этом необходимое условие развития самой науки в целом, о чем убедительно говорил в известной речи «Об общественных задачах научных обществ» (1881 г.). Каждое публичное выступление его на научные темы в собраниях ученых обществ или в печати было своего рода событием.

Таким событием явилась статья Тимирязева «Пародия науки», изданная в 1891 г. отдельной брошюрой. В этой статье он резко выступил против профанации идеи опытной ботанической станции, выразившейся в открытии в Московском зоологическом саду «станции» под широковеда-тельным названием «фитобиологической».

Вопрос об организации опытной ботанической станции занимал Тимирязева давно: проект такой станции был всесторонне продуман им, разработан и доложен еще в 1885 г. на годичном заседании Политехнического музея. Но, несмотря на все хлопоты, проект этот остался неосуществленным. Прошло несколько лет. Появились предприимчивые дельцы из Московского зоологического сада, которые, подхватив идею Тимирязева, попытались организовать жалкое подобие ботанической станции, преследуя лишь цели рекламы.

Как истинный ученый, Тимирязев был возмущен превращением «серьезного и важного дела в орудие дешевой рекламы, неприличной по отношению к науке, вредной по отношению к обществу». Он протестовал против оплошания большого и важного дела недостойной пародией.

Брошюра Тимирязева «Пародия науки» имела несомненное воздействие, наделав «много шума» (слова Чехова). Чехов, поддерживая протест Тимирязева, в свою очередь включился в поход за науку, на борьбу с шарлатанством. Постановка дела в Московском зоологическом саду давно уже занимала Чехова (он писал об этом еще в 1883 г. в фельетоне «Осколки московской жизни»).

Поддерживая протест Тимирязева, Чехов объявляет борьбу с так называемой «собственно ученой зоологической деятельностью сада». О своих намерениях по этому поводу он писал Суворину

28 августа 1891 г. «...посылаю Вам злобу дня, брошюрку нашего московского профессора Тимирязева, наделавшую много шума... Как добавление к брошюре, посылаю заметку. Тимирязев воюет с шарлатанской ботаникой, а я хочу сказать, что и зоология стоит ботаники. Вы прочтите заметку до конца: не надо быть ботаником или зоологом, чтобы понять, как низко стоит у нас то, что мы, по неведению, считаем высоким. Если заметка годится, то напечатайте ее; если она неудобна, то, разумеется, к черту. Заметка покажется Вам резкою, но я в ней ничего не преувеличил и не солгал ни на йоту, ибо пользовался документальными данными».

Заметка Чехова под заглавием «Фокусники», составленная им в соавторстве с зоологом Вагнером, имела целью «критику на зоологию». К выполнению поставленной задачи Чехов отнесся с полной добросовестностью, совершив для этого специально экскурсию в Зоосад и на месте изучив имевшиеся там документальные материалы. Заметка сделала свое дело: лабораторию временно закрыли.

Очевидно, — резюмируют свои наблюдения авторы заметки «Фокусники», — что вновь открытая ботаническая станция есть родная сестра зоологической лаборатории, что, строго говоря, оба эти учреждения отличаются только названиями. Оба служат образчиками неуважения к науке и публике. Лаборатория, так же, как и теперешняя станция, не была нужна ни для ученых, ни для учащих, ни тем более для публики. Наконец, самое возникновение ее, очевидно, имеет тот же мотив, что и ботаническая станция, т. е. мотив рекламы.

Статьи «Фокусники» Чехова и «Пародия науки» Тимирязева пронизаны одной идеей — борьбы за подлинную науку. Вичуя безобразия, Чехов приходит к тем же выводам, что и Тимирязев. «Фокусники» придали лишь более широкую огласку затронутому вопросу, и виновники были названы почти по именам. Статья была напечатана в газете и доставила Чехову «повидимому большое удовлетворение». Удовлетворен был, вероятно, и Тимирязев. Напечатание брошюры не осталось, однако, для него без последствий. Об этом можно судить по сохранившемуся черновику письма К. А. Тимирязева к М. П. Чеховой.

«Многоуважаемая Мария Павловна, — писал ей Тимирязев, благодаря за присланную книгу — сборник «Слово», где были напечатаны «Фокусники». — Приношу Вам глубокую благодарность за присланную мне крайне для меня интересную статью Вашего незабвенного брата. Статья эта была для меня долгие годы загадкой, пока Антон Павлович не разрешил ее мне лично при встрече в редакции «Русской мысли». Но даже после его смерти я все же не считал себя вправе разглашать кому-либо подкладку, так как разговор был без свидетелей. Теперь печать с этой истории снята, и я как-нибудь расскажу ее в подробностях и в печати... Скажу только мимоходом, что последним результатом научной деятельности проф. Богданова было то, что я был выгнан из Петровской Академии, да и ее прикрыли.

Вот Вам страничка из интимной истории нашего русского просвещения...»¹.

Однажды, встретившись с Тимирязевым, Чехов напомнил ему об этих выступлениях в печати по адресу «научных станций» Зоологического сада. Встреча произошла, как сообщил нам сын Тими-

¹ Из неопубликованных материалов, хранящихся в Биологическом музее имени К. А. Тимирязева.

рязева Аркадий Климентьевич, на одном из обедов, устроенном редакцией «Русской мысли». Во время обеда Антон Павлович подошел к Тимирязеву и сказал:

— А ведь мы с вами вместе в поход ходили.

И подробно рассказал Клименту Аркадьевичу, какое впечатление произвела на него «Пародия науки», причем признался, что, по началу, даже не поверил тому, что там было сказано. На следующий же день Антон Павлович, по его словам, направился в Зоологический сад и принялся за изучение того, что там было, а в результате появились «Фокусники»... Так ученый и писатель объединились в совместном походе за науку.

Мы не располагаем сейчас материалами к истории дальнейших взаимоотношений Тимирязева и Чехова. Укажем лишь на совместную работу их по борьбе с голодом в 1891 г., когда ученый и писатель, каждый в своей области, старались облегчить страдания народа.

Впервые столкнувшись с этим стихийным явлением еще в 1887 г., когда засуха была «не-

обычайной», Тимирязев, по примеру Менделеева, работал в первой сети русских опытных полей на Волге, вблизи Симбирска (ныне Ульяновск). К явлениям засухи, к мерам борьбы с нею, он возвращался неоднократно на протяжении всей своей научной деятельности — в работах и лекциях 1888, 1892, 1897, 1908 гг. и в 1919 г.

Чехов в свою очередь не мог остаться безучастным к «голодным делам». Узнав, что крестьяне едят лебеду, Антон Павлович делает запрос в прессе о питательности лебеды, интересуется мнением о ней компетентных людей. Полученный ответ не удовлетворяет писателя. «Я не удовлетворен, — писал он 16 октября 1891 г. Суворину. — Почти все наши травы, в том числе и ядовитые, содержат крахмалы, однако же ведь их не едят. Почему народ именно на лебеде остановился? Как она действует на питание и проч.». Чехов организует сборы пожертвований в пользу голодающих, принимает участие в покупке лошадей для крестьян, а также ведет активную работу по изданию «Сборника» в пользу голодающих.